

ҚОБЛАНДЫ БАТЫР

АЛМАТЫ КІТАП БАСПАСЫ
2017

ББК 82.3 (5 Каз)
К-55

Рекомендовано Министерством образования и науки Республики Казахстан
использовать в учебно-воспитательном процессе общеобразовательных школ

К-55 Кобланды батыр. Рус./анг. яз. – Алматы: ТОО «Алматыкітап баспасы»,
2017. – 192 стр., илл.

ISBN 978-601-01-2335-9

ББК 82.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-01-2335-9

© Ахтанов С., Оспан Б., 2005
© ТОО «Алматыкітап баспасы», 2005

Кобланды батыр

Досточтимый и знатный кипчакский бай Тохтарбай был одним из не многих степных владык, которому неведомы были такие качества, как жадность и корыстолюбие. Летом он кочевал вблизи живописного озера Каздикольти, которое издавна облюбовали себе белоснежные лебеди. Зимой проводил на южных склонах гор Караспан, в тех самых местах, где травы густы в любое время года.

Как бы ни складывались дела, Тохтарбай, не скупясь, делился с дальними и ближними соседями всем, чем обладал сам. Но не одним богатством счастлив человек. Была своя печаль и у такого, казалось бы, твердо стоящего на земле человека, каким являлся Тохтарбай.

Годы давали о себе знать. Тохтарбаю давно перевалило за седьмой десяток. Поседела и поредела некогда густая борода бая, а у него так и не появился наследник. Не слышно было в его просторной и богатой юрте звонких детских голосов. Тяжелый вздох рвался из груди Тохтарбая всякий раз, когда он видел своих сверстников в окружении сыновей, внуков и правнуков. Старику казалось, что судьба наделила счастьем всех и обошла только его.

Печалились сородичи, видя страдания Тохтарбая и его жены Аналык, успокаивая их добрым словом. И чудо свершилось! Может, в благодарность за то, что кипчаки были едины и в радости, и в горе: недаром ведь говорят, что желание многих — полноводная река; а, может, возымела действие чистая глубокая печаль старой супружеской пары, но судьба вдруг повернулась к ним лицом.

В свои пятьдесят лет Аналык нежданно-негаданно зачала, стала тяжелеть.

Недолго свершиться доброму делу, если его благословил сам Всевышний. Наступил срок, и в юрте Тохтарбая раздался звонкий детский крик. У Тохтарбая, сидевшего на холме, от счастья чуть не помутился рассудок. Не в силах подняться на ноги, он скатился с холма, а навстречу ему уже бежали и стар, и млад.

— Суюнши! Подарок за добрую весть! — кричали они наперебой. — Суюнши!..

- Одним пастухом стало больше!
- Одним табунщиком...
- Поздравляем с сыном!

— С дочерью!

Тохтарбай взирал на приближающихся в нему родичей с блаженной улыбкой на лице:

— О, творец, что они говорят? Сын или дочь?.. Или я ослышался?

— Сын у вас, дедушка! — вскричала, подбегая, молодая стройная женщина. — Сын!

— Дочка, дедушка! — взволнованно произнесла, выступив из-за спины подруги, другая женщина. — Крошечная, как куколка!

Тохтарбай ничего не мог понять, у него словно язык отнялся, и он лишь покачивал головой в ответ, соглашаясь со всем, что ему говорили. И никак не мог старик унять дрожь, от которой сотрясилось все его тело. Только спустя некоторое время молодая женщина, поздравившая его первой, догадалась о причине столь странного молчания старого Тохтарбая.

— Ойбай-ау, как это мы позабыли? — удивленно цокнула языком стройная красивая девушка. — У вас двое детей! Сын и дочь! Близнецы!..

Долгожданных детей своих Тохтарбай нарек звучными именами — Кобланды и Карлыгаш. Послал он гонцов в четыре стороны света, созывая гостей на торжество, посвященное радостному событию. В доме Тохтарбая и Аналык потекли счастливые дни, полные хлопот и забот, связанных с воспитанием детей.

На радость родителям они росли и крепили день ото дня. Десятилетнего Кобланды — широкоплечего и рослого мальчика — несведущие люди принимали за юношу.

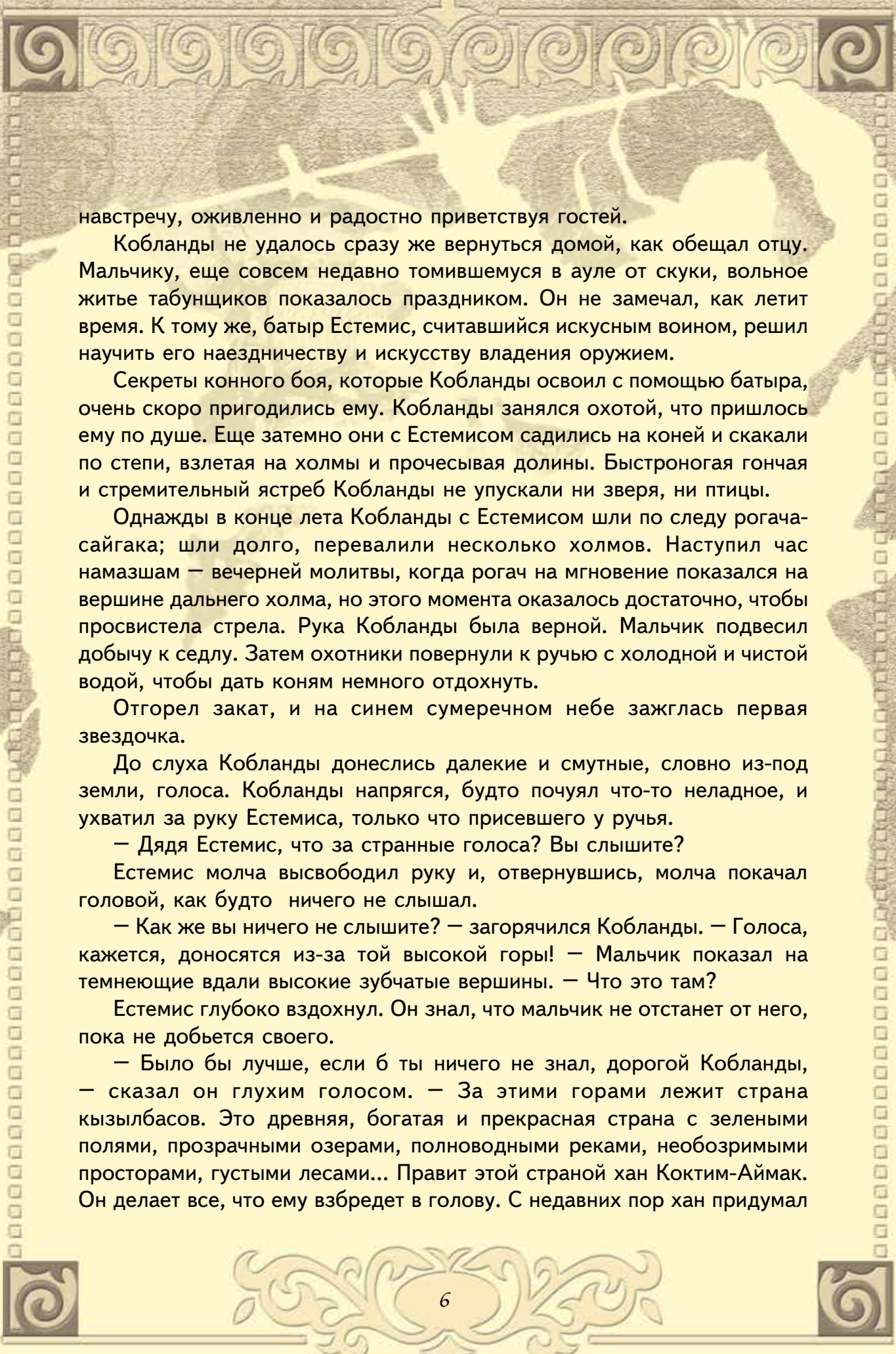
Как-то раз Кобланды вскочил верхом на коня и обратился к отцу, отдыхавшему в тени юрты:

— Отец, от табунщиков давно уже нет вестей. Что, если я навещу их? Не беспокойтесь за меня, я долго не задержусь.

Тохтарбай скучал по сыну, не находя себе места, едва Кобланды исчезал из виду. Но сколько можно было держать возле себя взрослого не по годам мальчика? Да и видно было, что сын тщательно собрался в дорогу: на одну руку посадил любимого ястреба, на другую — надел стальной щит. Старик, скрепя сердцем, благословил сына в дальнюю дорогу.

Батыр Естемис, под рукой которого ходило девяносто табунщиков, решил показать Кобланды лошадей, пасущихся на вольных пастбищах. Завидев юного хозяина рядом с Ертемисом, табунщики поспешили им

навстречу, оживленно и радостно приветствуя гостей.

Кобланды не удалось сразу же вернуться домой, как обещал отцу. Мальчику, еще совсем недавно томившемуся в ауле от скуки, вольное жите табунщиков показалось праздником. Он не замечал, как летит время. К тому же, батыр Естемис, считавшийся искусным воином, решил научить его наездничеству и искусству владения оружием.

Секреты конного боя, которые Кобланды освоил с помощью батыра, очень скорогодились ему. Кобланды занялся охотой, что пришлось ему по душе. Еще затемно они с Естемисом садились на коней и скакали по степи, взлетая на холмы и прочесывая долины. Быстроногая гончая и стремительный ястреб Кобланды не упускали ни зверя, ни птицы.

Однажды в конце лета Кобланды с Естемисом шли по следу рогача-сайгака; шли долго, перевалили несколько холмов. Наступил час намазшам — вечерней молитвы, когда рогач на мгновение показался на вершине дальнего холма, но этого момента оказалось достаточно, чтобы просвистела стрела. Рука Кобланды была верной. Мальчик подвесил добычу к седлу. Затем охотники повернули к ручью с холодной и чистой водой, чтобы дать коням немного отдохнуть.

Отгорел закат, и на синем сумеречном небе зажглась первая звездочка.

До слуха Кобланды донеслись далекие и смутные, словно из-под земли, голоса. Кобланды напрягся, будто почуял что-то неладное, и ухватил за руку Естемиса, только что присевшего у ручья.

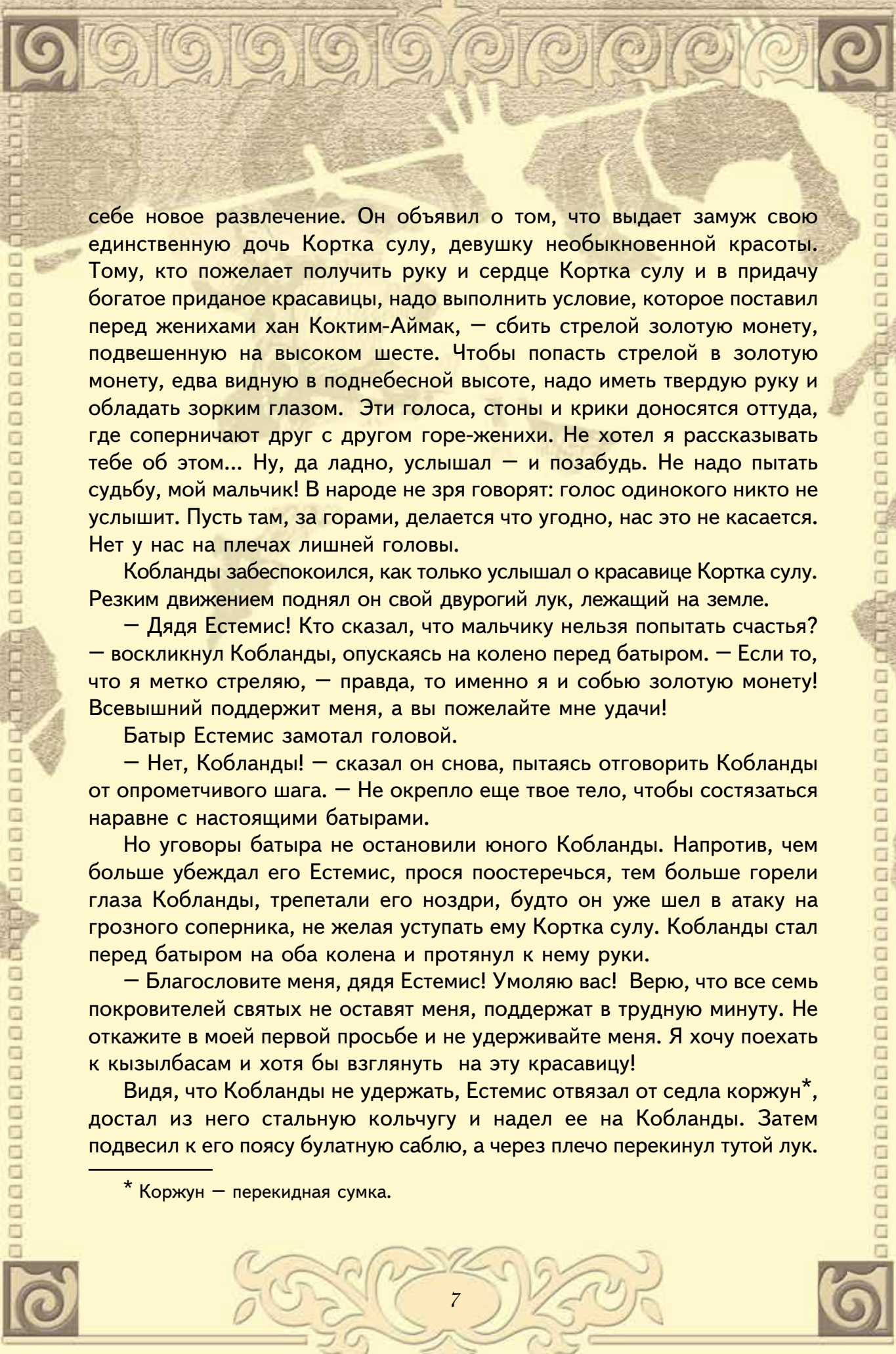
— Дядя Естемис, что за странные голоса? Вы слышите?

Естемис молча высвободил руку и, отвернувшись, молча покачал головой, как будто ничего не слышал.

— Как же вы ничего не слышите? — загорячился Кобланды. — Голоса, кажется, доносятся из-за той высокой горы! — Мальчик показал на темнеющие вдаль высокие зубчатые вершины. — Что это там?

Естемис глубоко вздохнул. Он знал, что мальчик не отстанет от него, пока не добьется своего.

— Было бы лучше, если б ты ничего не знал, дорогой Кобланды, — сказал он глухим голосом. — За этими горами лежит страна кызылбасов. Это древняя, богатая и прекрасная страна с зелеными полями, прозрачными озерами, полноводными реками, необозримыми просторами, густыми лесами... Правит этой страной хан Коктим-Аймак. Он делает все, что ему взбредет в голову. С недавних пор хан придумал

себе новое развлечение. Он объявил о том, что выдает замуж свою единственную дочь Кортка сулу, девушку необыкновенной красоты. Тому, кто пожелает получить руку и сердце Кортка сулу и в придачу богатое приданое красавицы, надо выполнить условие, которое поставил перед женихами хан Коктим-Аймак, — сбить стрелой золотую монету, подвешенную на высоком шесте. Чтобы попасть стрелой в золотую монету, едва видную в поднебесной высоте, надо иметь твердую руку и обладать зорким глазом. Эти голоса, стоны и крики доносятся оттуда, где соперничают друг с другом горе-женихи. Не хотел я рассказывать тебе об этом... Ну, да ладно, услышал — и позабудь. Не надо пытаться судьбу, мой мальчик! В народе не зря говорят: голос одинокого никто не услышит. Пусть там, за горами, делается что угодно, нас это не касается. Нет у нас на плечах лишней головы.

Кобланды забеспокоился, как только услышал о красавице Кортка сулу. Резким движением поднял он свой двурогий лук, лежащий на земле.

— Дядя Естемис! Кто сказал, что мальчику нельзя попытаться счастья? — воскликнул Кобланды, опускаясь на колено перед батыром. — Если то, что я метко стреляю, — правда, то именно я и собью золотую монету! Всевышний поддержит меня, а вы пожелайте мне удачи!

Батыр Естемис замотал головой.

— Нет, Кобланды! — сказал он снова, пытаясь отговорить Кобланды от опрометчивого шага. — Не окрепло еще твоё тело, чтобы состязаться наравне с настоящими батырами.

Но уговоры батыра не остановили юного Кобланды. Напротив, чем больше убеждал его Естемис, прося поостеречься, тем больше горели глаза Кобланды, трепетали его ноздри, будто он уже шел в атаку на грозного соперника, не желая уступать ему Кортка сулу. Кобланды стал перед батыром на оба колена и протянул к нему руки.

— Благословите меня, дядя Естемис! Умоляю вас! Верю, что все семь покровителей святых не оставят меня, поддержат в трудную минуту. Не откажите в моей первой просьбе и не удерживайте меня. Я хочу поехать к кызылбасам и хотя бы взглянуть на эту красавицу!

Видя, что Кобланды не удержат, Естемис отвязал от седла коржун*, достал из него стальную кольчугу и надел ее на Кобланды. Затем подвесил к его поясу булатную саблю, а через плечо перекинул туют лук.

* Коржун — перекидная сумка.

— Ну что ж, в добрый путь, мой мальчик! — промолвил он, три раза поцеловал Кобланды и подвел к нему коня. — Пусть сердце твое не изведает страха! Да исполнятся все твои сокровенные желания! Пусть будет скорым твое возвращение в родные края!

Кобланды вскочил на коня и быстрее ветра поскакал вперед. Мощь одинокого всадника, несущегося, не ведая страха и сомнения, была настолько очевидна, что невольно сжались сердца кызылбасов. Все замерли. Даже всеильный хан Коктим-Аймак встал с трона и вышел навстречу батыру, почтительно приложив к груди руки.

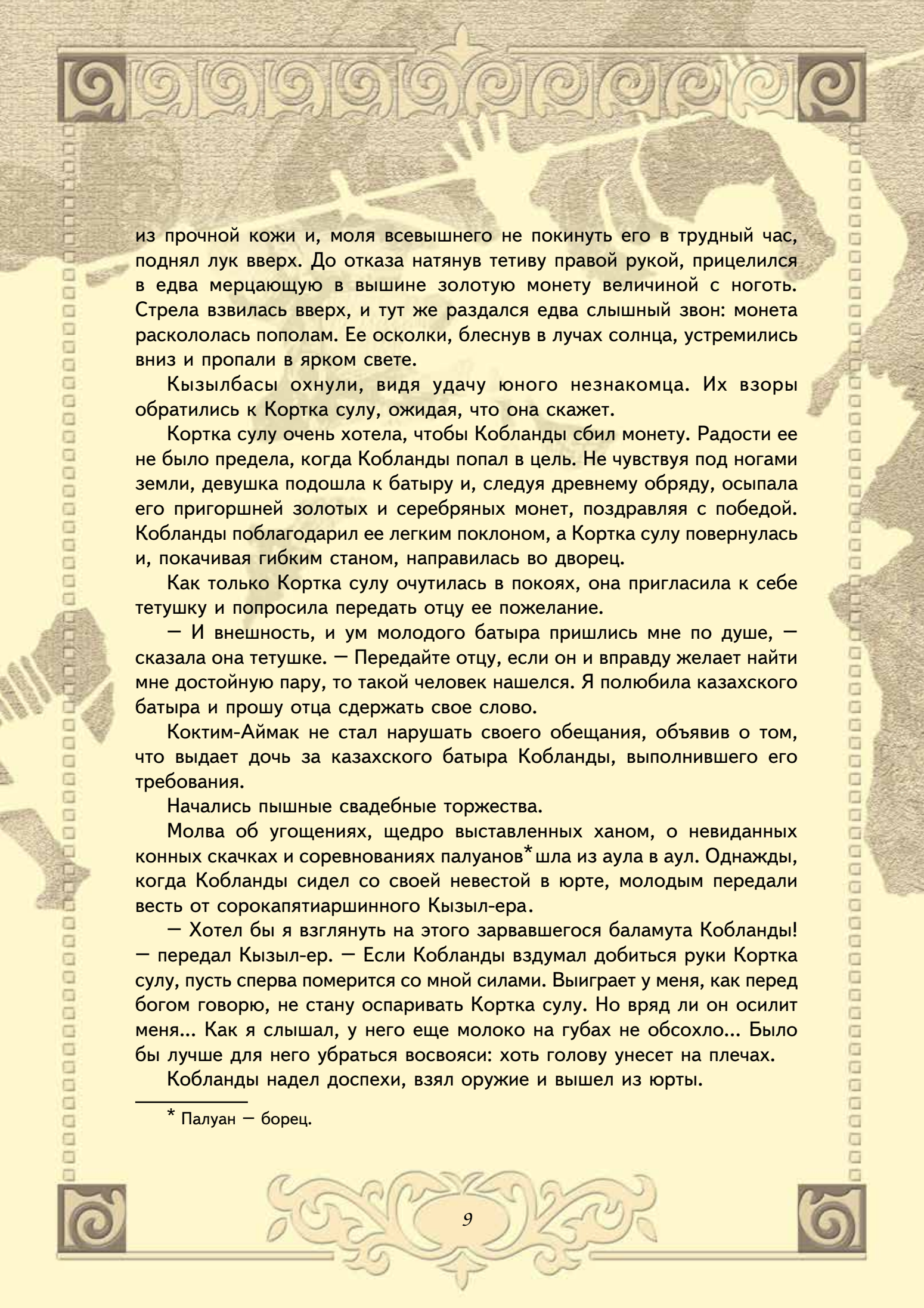
— Приветствую тебя, казахский батыр!

— Приветствую тебя и я, великий хан! — ответил Кобланды. — Услышав весть — не мог усидеть дома. Как говорится, нет живой души, которая жила бы без мечты; нет человека, который бы не стремился к своей мечте. Устремился за ней и я. Хочу попытать свое счастье.

— Я согласен с тобой, юный батыр. Попытай.

Кобланды привстал на стременах, быстрым движением вынул из колчана стрелу с наконечником шириной с ягнячью лопатку и прикоснулся к ее острию губами. Затем тщательно приладил пятку стрелы к тетиве

из прочной кожи и, моля всевышнего не покинуть его в трудный час, поднял лук вверх. До отказа натянув тетиву правой рукой, прицелился в едва мерцающую в вышине золотую монету величиной с ноготь. Стрела взвилась вверх, и тут же раздался едва слышный звон: монета раскололась пополам. Ее осколки, блеснув в лучах солнца, устремились вниз и пропали в ярком свете.

Кызылбасы охнули, видя удачу юного незнакомца. Их взоры обратились к Кортка сулу, ожидая, что она скажет.

Кортка сулу очень хотела, чтобы Кобланды сбил монету. Радости ее не было предела, когда Кобланды попал в цель. Не чувствуя под ногами земли, девушка подошла к батыру и, следуя древнему обряду, осыпала его пригоршней золотых и серебряных монет, поздравляя с победой. Кобланды поблагодарил ее легким поклоном, а Кортка сулу повернулась и, покачивая гибким станом, направилась во дворец.

Как только Кортка сулу очутилась в покоях, она пригласила к себе тетушку и попросила передать отцу ее пожелание.

— И внешность, и ум молодого батыра пришлись мне по душе, — сказала она тетушке. — Передайте отцу, если он и вправду желает найти мне достойную пару, то такой человек нашелся. Я полюбила казахского батыра и прошу отца сдержать свое слово.

Коктим-Аймак не стал нарушать своего обещания, объявив о том, что выдает дочь за казахского батыра Кобланды, выполнившего его требования.

Начались пышные свадебные торжества.

Молва об угощениях, щедро выставленных ханом, о невиданных конных скачках и соревнованиях палуанов* шла из аула в аул. Однажды, когда Кобланды сидел со своей невестой в юрте, молодым передали весть от сорокапятиаршинного Кызыл-ера.

— Хотел бы я взглянуть на этого зарвавшегося баламута Кобланды! — передал Кызыл-ер. — Если Кобланды вздумал добиться руки Кортка сулу, пусть сперва померится со мной силами. Выиграет у меня, как перед богом говорю, не стану оспаривать Кортка сулу. Но вряд ли он осилит меня... Как я слышал, у него еще молоко на губах не обсохло... Было бы лучше для него убраться восвояси: хоть голову унесет на плечах.

Кобланды надел доспехи, взял оружие и вышел из юрты.

* Палуан — борец.

— Ойбай! Там пришел какой-то молодой воин!.. — выпалил между тем слуга. — Не воин, а настоящий лев!.. Страх берет от одного взгляда на него!

— Несчастный, напугался, увидев какого-то мальчишку! — Кызыл-ер лениво перевернулся на другой бок: под огромным телом заскрипели доски. — Неохота мне подниматься из-за какой-то стрекозы. Если он так храбр, что явился к моему жилью, пусть войдет в дом! Дуну я на него — он и вылетит обратно.

Кобланды, видя что Кызыл-ера не докличешься на поединок, не выдержал и вбежал в дом.

— А-а, так это ты пищал за моими дверьми, словно сурок? — Кызыл-ер небрежно двинул подбородком в сторону Кобланды, не устаивая его взглядом. — Ну-ну, повизжишь ты у меня сегодня!.. Ну да ладно, малыш, я только что пообедал, и лень одолела меня. Да ты не дуйся! Я найду для тебя дело. Вот, если силенок хватит, поборись с моей ногой.

И Кызыл-ер, посмеиваясь, поднял кверху толстую, будто дуб, правую ногу.

Кобланды вскипел весь от неслыханного оскорбления, глаза его налились кровью. Оглянулся он вокруг и увидел волосяной аркан, длиной в шестьдесят кулашей*, который был собран в кольца и висел на косяке двери. Сорвал Кобланды аркан с гвоздя, в одно мгновение накинул петлю на правую ногу Кызыл-ера, шагнул на порог, вскочил на коня и пустил его вскачь. Оглушенный, Кызыл-ера больше не мог сопротивляться, и огромной, обмякшей тушей потащился за скачущим конем, оставляя за собой глубокую борозду на земле. Густая пыль поднималась за ним к небу.

Кобланды прихватил конец аркана ногой, плотно прижал его коленом к боку коня и поскакал к зарослям. Колючки разодрали жирную тушу Кызыл-ера, вонзились ему в легкие и почки. А Кобланды направил скакуна в горы, затем погнал его вниз в ущелья. Раскалывались на мелкие кусочки валуны, попадавшие на пути огромной туши Кызыл-ера, разлетались в мелкие щепки вековые деревья, которые не в силах был вырвать даже ураган. Пронзительный крик кызылбаса взлетал над горами, заполнял долины. Кызыл-ер судорожно дернулся раз-другой и навеки затих.

* Кулаш — маховая сажень, в размах обеих рук по концы средних пальцев.

Облегченно вздохнул и Коктим-Аймак, потерявший покой и сон от страха.

Отлегло у хана от сердца, когда он увидел, наконец, Кызыл-ера поверженным. Этот человек никогда не считался с ним и грозился лишить престола. Коктим-Аймак повелел продолжать пиршество, и оно разгорелось с новой силой. Удовлетворенный бесстрашием своего зятя, хан решил проводить дочь Кортка сулу к своим новым родственникам с особыми почестями.

В приданое дочери Коктим-Аймак дал юрту, отделанную снаружи серебром, а внутри — золотом; распорядился навьючить казну на сорок красных могучих наров*, а в прислуги молодым выделил сорок рабов и сорок рабынь. В час раннего утра, едва погасла звезда Шолпан**, небольшой, но богатый караван вышел с дворцовой площади и направился на родину Кобланды.

— Сын мой! — сказал хан, целуя на прощанье Кобланды в лоб. — Запомни, ты дорог мне не меньше моей единственной дочери. Тебе я обязан тем, что обрел на старости лет спокойствие. Приданое Кортка сулу получила сполна. А вот перед тобой я в долгу, сынок. Хочу расплатиться и с тобой. Взгляни на небо, сын мой! Видишь четыре тучки, собравшиеся вместе? Их я отдаю тебе. Не удивляйся, Кобланды, сначала узнай, в чем суть моего подарка. Не думай, что это обыкновенные тучи, каких немало в природе. Они необыкновенные. Летом одна из них родится на солнечной стороне и заслонит тебя от палящих лучей солнца. Другая — появится зимой с подветренной стороны и защитит тебя от холода. Третья — будет лететь над врагом, что послужит тебе сигналом о надвигающейся опасности. Четвертая — станет символом дружеских уз двух наших народов. Вот что я хотел сказать тебе на прощанье, мой сын. Передай приветствия и добрые пожелания моим сватам — Тохтарбаю и Аналык. Доброго пути, дети мои!

Караван направился в сторону далеких гор Караспан. Кобланды на темно-гнедом скакуне держался впереди. Он несколько дней не сходил с седла.

Однажды в полдень на пути каравана встретился им многочисленный табун*. Кортка сулу вдруг увидела в самой середине табуна серо-пегую

Нар — одногорбый верблюд. В казахском народе символ мощи и благородной силы.

** Звезда Шолпан — утренняя звезда Венера.

кобылу и тут же переменялась в лице. Будто какая-то неведомая сила коснулась ее. Она тотчас остановила повозку, откинула обтянутую шелком дверцу и, волнуясь, подозвала к себе Кобланды.

— Мой повелитель, не знаешь, кому принадлежит этот табун? — спросила она его.

— Узнай, кто хозяин табуна, и во что бы то ни стало, заполучи эту серо-пегую кобылу. Не отступай от своего, если даже ради этого придется отдать ему меня!

Кобланды улыбнулся.

Ради тебя я рисковал головой, Кортка сулу, и лишиться тебя из-за какой-то кобылы? Не дешево ли ты себя ценишь? — пошутил он, но тут же сказал серьезно:

— Табун этот принадлежит моему дяде Салимбаю. Он души не чает во мне.

Услышав ответ Кобланды, Кортка сулу успокоилась.

— Мой батыр! — обратилась она к Кобланды. — В народе говорят: конь — крылья жигита. Твой темно-гнедой не из боевых коней. Он растеряется, оказавшись в коварном вражеском окружении, бросит тебя под градом смертоносных стрел. Тулпар*, достойный настоящего батыра, зачат в утробе серо-пегой кобылы. Послушай меня внимательно, Кобланды! Эта кобыла принесет серо-чалого жеребенка, который, повзрослев, станет настоящим тулпаром. Ему уготовано быть твоим боевым конем, самым близким другом. Мое предсказание проверишь потом, а сейчас заполучи серо-пегую кобылу.

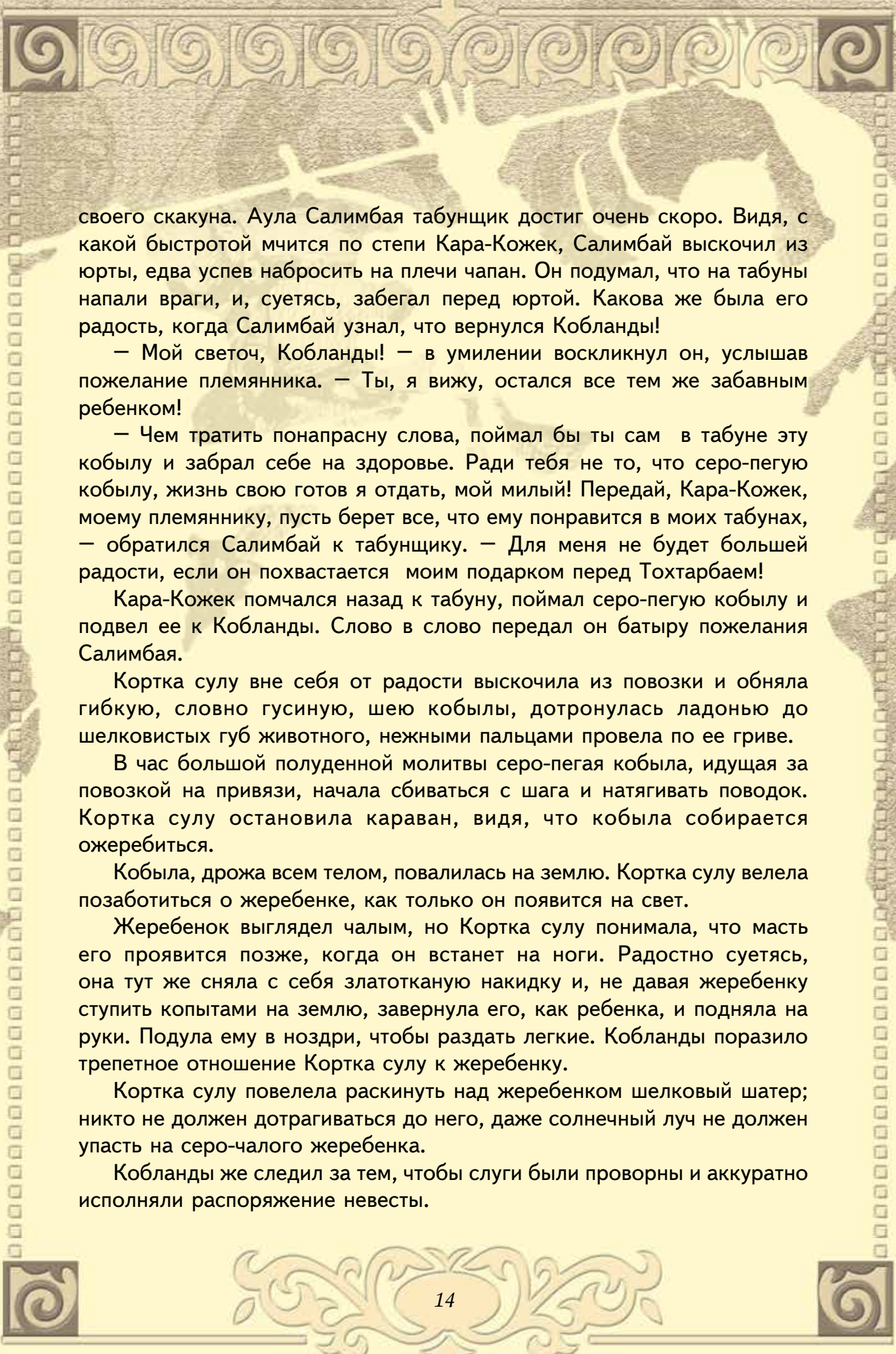
Кобланды, выполняя волю невесты, подъехал к предводителю табунщиков Кара-Кожеку и поприветствовал его.

— Кожеке! — обратился он к нему. — Старшие братья всегда представляются мне сродни высоким горам. Поэтому, ступив во владения моего любимого дяди Салимбая, я остановился для того, чтобы оказать ему свое уважение. Поезжайте к Салимбаю, передайте, что Кобланды возвращается не один. Пусть посмотрит на свою невестку. — Кобланды улыбнулся и добавил: — Ну, а на смотрины не приходят с пустыми руками. От дяди мне не надо дорогого подношения, пусть подарит мне серо-пегую кобылу.

Кара-Кожек выслушал Кобланды, коротко кивнул и протянул камчай

* Тулпар — скакун, крылатый конь.

своего скакуна. Аула Салимбая табунщик достиг очень скоро. Видя, с какой быстротой мчится по степи Кара-Кожек, Салимбай выскочил из юрты, едва успев набросить на плечи чапан. Он подумал, что на табуны напали враги, и, суется, забежал перед юртой. Какова же была его радость, когда Салимбай узнал, что вернулся Кобланды!

— Мой светоч, Кобланды! — в умилении воскликнул он, услышав пожелание племянника. — Ты, я вижу, остался все тем же забавным ребенком!

— Чем тратить понапрасну слова, поймал бы ты сам в табуне эту кобылу и забрал себе на здоровье. Ради тебя не то, что серо-пегую кобылу, жизнь свою готов я отдать, мой милый! Передай, Кара-Кожек, моему племяннику, пусть берет все, что ему понравится в моих табунах, — обратился Салимбай к табунщику. — Для меня не будет большей радости, если он похвастается моим подарком перед Тохтарбаем!

Кара-Кожек помчался назад к табуну, поймал серо-пегую кобылу и подвел ее к Кобланды. Слово в слово передал он батыру пожелания Салимбая.

Кортка сулу вне себя от радости выскочила из повозки и обняла гибкую, словно гусиную, шею кобылы, дотронулась ладонью до шелковистых губ животного, нежными пальцами провела по ее гриве.

В час большой полуденной молитвы серо-пегая кобыла, идущая за повозкой на привязи, начала сбиваться с шага и натягивать поводок. Кортка сулу остановила караван, видя, что кобыла собирается ожеребиться.

Кобыла, дрожа всем телом, повалилась на землю. Кортка сулу велела позаботиться о жеребенке, как только он появится на свет.

Жеребенок выглядел чалым, но Кортка сулу понимала, что масть его проявится позже, когда он встанет на ноги. Радостно суется, она тут же сняла с себя златотканую накидку и, не давая жеребенку ступить копытами на землю, завернула его, как ребенка, и подняла на руки. Подула ему в ноздри, чтобы раздать легкие. Кобланды поразило трепетное отношение Кортка сулу к жеребенку.

Кортка сулу повелела раскинуть над жеребенком шелковый шатер; никто не должен дотрагиваться до него, даже солнечный луч не должен упасть на серо-чалого жеребенка.

Кобланды же следил за тем, чтобы слуги были проворны и аккуратно исполняли распоряжение невесты.

Караван остановился во владениях Салимбая надолго. Первые сорок дней Кортка сулу поила своего любимца молоком кобылицы, ожеребившейся впервые, следующие сорок дней — молоком не жеребой кобылы. На девяностый день добавила она ему в корм снадобье, изготовленное из красной травы для того, чтобы шаг у него был широкий, а ход — стремительный, чтобы не брал его сап* и не мучило удушье.

Только раз в день приоткрывала Кортка сулу свод шатра и постепенно приучала жеребенка к свету. Готовила для него теплую воду, процеживала через полотенце и поила из рожка.

Прошло девяносто дней, наступила еще одна ночь, за ночью забрезжил рассвет, и Кортка сулу разрешила разобрать юрту, в которой жила. В час малой предвечерней молитвы она вывела серо-чалого жеребенка из шатра, накрыла его покрывалом из зеленого бархата, вышитого золотом. Серо-пегую кобылицу Кортка сулу привязала к повозке, и караван продолжил свой путь.

С правой стороны белой юрты Тохтарбая расправила крылья юрта молодых. Не было конца радости старого Тохтарбая, увидевшего своего единственного сына Кобланды живым и здоровым. Старик с почестями принял невестку, поцеловал ее и благословил к новой жизни.

Прошло некоторое время. Неожиданно Кобланды встрепенулся, словно вспомнив о чем-то дорогом, выпавшим из памяти, повернулся к отцу и спросил:

— Отец, прошло немало времени с тех пор, как я не был здесь. Что с нашими лошадьми? Что говорят табунщики?

— От них ни слуху, ни духу, сынок, — ответил старик. — Давно не было вестей.

Кобланды решил осмотреть табуны. Он выпил полную чашу меда и, оседлав коня, выехал из аула.

Солнце клонилось к закату, тени удлинились. Кобланды, несущийся на темно-гнедом, вскоре исчез из виду, как будто растворился в степном воздухе. Утром другого дня Кобланды увидел первые табуны, пасущиеся на вольных лугах. Навстречу ему выехали табунщики, приветствуя его и расспрашивая о делах, здоровье и благополучии аулов. И снова увлекся Кобланды охотой. Вдвоем с Естемисом от зари до зари носились они по степи, бросая за зверем то быстроногую гончую, то ловчую быстрокры-

* Сап — болезнь лошадей.

лую птицу.

Дни за охотой пролетали быстро: едва успевала погаснуть утренняя заря, как уже сгущались сумерки и наступал вечер. Не зря говорят в народе: время скоротечно. Серо-чалый жеребенок, которого Кортка сулу назвала Тайбурылом, вырос в стригунка с упрямо развевающейся на ветру челкой.

В три года на лбу Тайбурыла обозначилась белая лысина, он стал сиво-чалым скакуном. Ноги его налились, стали крепче железа. Там, где, резвясь, проносился Тайбурыл, крошились камни под его копытами.

В четыре года Кортка сулу привязала к шее сиво-чалого скакуна шелковый аркан длиной в сорок аршин, который стелился за ним по земле: боевой конь не должен быть пугливым. В пять лет Тайбурыла привели из степи, набросили на него узду и объездили.

И только после этого Кортка сулу созвала лучших мастеров края, чтобы они изготовили золоченое с инкрустацией седло и богатую, отделанную драгоценными камнями сбрую. Оружейникам она заказала меткое копье с древком из смолистой ели и булатную саблю с серебряными ножнами. Кортка сулу хотела, чтобы оружие Кобланды было под стать Тайбурылу, который должен был стать удивительным конем.

Теперь страной кызылбасов правил хан Казан, прославивший жестоким и алчным властителем. Он не давал покоя большим и малым соседним странам, принося им неисчислимые страдания. У него было огромное войско, с которым он сокрушал врагов, захватывал рабов, скот, и привозил со всех четырех сторон света награбленное добро. Редко кто оказывал достойное сопротивление хану Казану, и со временем он настолько поверил в свои силы, что захотел завоевать весь мир. И вот однажды, выждав удобное время, посадил он все свое многочисленное войско на коней и двинул его на земли ногайлинцев и казахов, с которыми давно враждовал.

Степняки были застигнуты врасплох и на этот раз не устояли перед злой силой. Большинство населения было перебито, а оставшиеся в живых разбрелись кто куда, побросав дома и скот. Черные дни наступили для ногайлинцев и казахов. Матери теряли своих детей, семьи лишались кормильцев, плач и стенания заполнили всю землю.

Воодушевленный успехом, хан Казан добрался до двух самых оживленных и больших городов — Кырлы-кала и Сырлы-кала,